

А. В. ТУРИНЦЕВ

Анатолий Владимирович Туринцев — известный журналист, обладатель звания «Легенда тюменской прессы». Почетный работник культуры и искусства Тюменской области. Выпускник Ленинградского государственного университета (филологический факультет). В профессии пятьдесят пять лет. Работал в газетах «Тюменская правда» и «Тюменский комсомолец», на телевидении, где, в частности, создал аналитические программы «Автографы года», «Строка и кадр», которым на отечественном ТВ 80-х гг. не было аналогов. Руководил информационной программой «Тюменский меридиан», был вице-президентом компании «Регион-Тюмень». Почти десять лет возглавлял пресс-службу Тюменской областной Думы. Имеет опыт преподавания — вел дисциплины на факультете журналистики ТюмГУ. Регулярно печатается в местных изданиях.

ВЕНСКИЕ ОКНА

По-прежнему давнее кажется давешним.

Борис Пастернак

Улица легко сравнима с рекой. В заданном направлении, обозначенном именем русле течет и течет она сквозь время и пространство. Денно и ночью перемещая людей и грузы. Населяя берега, весело и беспечно зажигая в них свет жизни, наполняя гулом труда, разноголосицей судеб и многообразием надежд. И печально гася горе и утраты. И оставляя в осадке гнусь эпох тоже...

Та, о которой пойдет речь, начинается у областного краеведческого музея и словно продолжает вьвязь, под открытым небом его экспозицию, посвященную истории старейшего русского города в Сибири. Пусть только фасадно, вразброс, без хронологической последовательности, охватывая лишь относительно близкие и внятные периоды прошлого, поверхностно сквозя по нынешним реалиям, — что с того? Любознательность вольна и способна заполнить пробе-

лы, а память старожила этих мест — придать увиденному свои неповторимые краски.

Я родился в Тюмени, живу в ней восемьдесят лет, и этот город действительно мне «знакомый до слез, до прожилок, до детских припухших желез». Накупавшись до одури в нагретой солнцем воде у быков деревенского моста через Туру, мы мальчишками подымались наверх домой, добирались на подогнутых ногах до музея — и тут на нас обрушивался небесный купол, захватывало дух от внезапно открывшегося простора заовражья, и привычная глазу бульжная мостовая устремлялась вдаль, маня чем-то загадочно счастливым. Это наваждение трудно было осознать, объяснить, но ощущение восторга, электрического разряда от красоты и доброты окружающего мира живет во мне до сих пор. Вот почему с таким трепетом отправляюсь в эпистолярную экскурсию по родным местам. От истока улицы Ленина до самого ее устья. Вернее, тупика, каким оно обернулось, уткнувшись на полном ходу в поперечную дорогу. Жаль, что власть предержажие не дали возможности моей улице посостязаться в протяженности с параллельной, тоже выставочной, «гостевой», Республики.

Итак, в путь.

И сразу же взыскующий взгляд беспощадно сурово упирается в недавно возникшее у истока огромное, как океанский лайнер, здание. В нем справили новоселье банки, пестрые офисы, магазины. Даже гостиница есть. Монстр закрыл собой исторически присущее въезду в центр города приволье, до размера расщелины сузил проезжую часть, теперь тут толкотня и давка. Безобразие, одним словом. Еще более существенен урон от бесконтрольно построенного, заступившего красную линию жилого комплекса несколькими кварталами дальше. Он изначально необитаем, якобы приговорен к сносу, однако исполнение все откладывается, и мнится, что смертную казнь заменили пожизненным сроком. А в остальном натура не разочаровывает. В принципе она благоприятствует «картине маслом» в светлых тонах, радуя разумным балансом, образно говоря, хлеба и зрелищ, мирным сосуществованием архитектурных стилей — от гармонического совершенства русского классицизма до нахрапистого кича современного хай-тека. Слава

богу, не снесен пока ни один памятник каменного и деревянного зодчества. В идеальном порядке содержат свои реликвии христианские конфессии. Арендатор-бизнес, конечно, ловчит, но все-таки больше совестлив, чем прижимист. Основные претензии — к местным властям, их соответствующим инстанциям, коим вменены в обязанность сбережение и охрана заповедных объектов. Бесхозный, бесприглядный, рушится дом, где жил советский поэт Князев («Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами»), а позже располагалась травматология. Подобен убогому сирому скромный исторический флигелек ближе к перекрестку с улицей Кирова. Да и не мешало бы подновить усадьбу Машарова, чей внутренний дворик замечательно хорош. И внять, наконец, гласу краеведов — оградить раз и навсегда от хищных поползновений красную круглую башню (обступившие ее иномарки напоминают собой затаившихся, ждущих своего часа пираний). Ревнителю старины против ее консервации, их проект неординарен и устремлен в завлекательное будущее. Предполагается устроить здесь галерею искусств, доступную творческую мастерскую художников, актеров, писателей. Это заметно усилит культурологическую составляющую улицы Ленина, придаст ей шик интеллектуальности, как это случилось с появлением здесь институтов и технопарка государственного университета.

Не в обиду, но только штрихами, общим фоном наделим живописное полотно поспешно возведенными, а потому безликими, строениями послевоенной поры. Строгим, как наркомовский китель, штабом нефтяников и примкнувшими к нему элитными обиталищами полководцев великого похода на Север. Удобным (по трудам праведным), с высокими потолками и веселыми завитушками, приютом чекистов. Постаревшими объектами всеобщей зависти девятиэтажками и верзилой-арбитражем — как оказалось, внебрачным детищем судебной власти... В непосредственной близости с ним — Центральный рынок. По мнению градоначальства, он никак не вписывается в концепцию непорочной красоты и цивилизации. Фонтаном и чревоугодными наклонностями он перекликается с Цветочным бульваром, который остряки и, говорят, наш выдвигенец московский губерна-

тор обозвали Обжорным рядом. Но буду справедливым: наличествуют здесь и положительные черты. Богатый набор аттракционов привлекает массу детей, им здесь раздолье. По этой части Цветной бульвар обласкан признанием на самом вершине. В промежутках улицы Ленина, ее простенках, свободных нишах, притоках закрепились бетоном и стеклом модные бутики, кафетерии, рестораны. Их владельцы искусны в составлении рекламы, не отстают от лучших образцов гостеприимства. Кое-где при входе появились, например, увитые плющом скамейки — все для клиента! У деловых офисов дремлют дорогие иномарки и престижные европейские газоны усеяны окурками и подсолнечной шелухой.

Я неоднократно задумывался, какое же другое имя могла бы носить моя улица. Если с этимологической целью соотнестись с двадцатыми-сороковыми годами прошлого столетия, то, безусловно, — Военная. Тогда Красная армия захватила и удерживала плацдарм от краеведческого музея до Тургенева уж точно. Под свои нужды она приспособила устоявшие в революционное лихо торговые ряды, лабазы, храмы, купеческие владения. К ним добавляла собственной постройки добротные и вместительные дома для семей комсомола. Не исключено, что военные, говоря современным языком, пролоббировали появление на подконтрольной территории большой бани. Во всяком случае, здесь имелось с боковым входом так называемое солдатское отделение. И сколько же полков, сколько бритых касатиков прошли здесь помывку — может быть, последнюю в мирной жизни.

Ядро «укепрайона» составляли старинные торговые ряды, где была развернута дивизия, а затем квартировали военные училища и прочие профильные структуры. Это сейчас за железными краснотонными воротами и забором с дежурно-обязанными иллюстрациями героизма царит оглушительная скука, нарушаемая редкими ручейками призывов, — а тогда, в предгрозе и войну, тут бессонновулканически бурлила жизнь, кипела динамика движения. Бил барабан, пела труба, печатался строевой шаг, лязгали затворы, гремело «Рота, подъем!». Это — музыка моего раннего детства. Она засела в ушах. И выцветшая фотография из семейного альбома дышит моро-

зом того дня, когда отец выводил отсюда на стрельбы свой взвод курсантов. Все в утепленных буденовках, белых полушубках. За спиной винтовки. Валенки вогнаны в крепления деревянных лыж. И палки в руках еще деревянные, тяжелые, не бамбуковые. Скинув косынку, прикрыв плечи жакеткой, мама могла, оторвавшись от кухонной плиты командирской столовой (она наискосок), выскочить на крыльцо проводить отца...

...А может — Вероисповедная? По обеим сторонам улицы с незапамятных времен стоят культовые здания христианства. В двух храмах и ныне горят свечи. Слышен колокольный звон близкого Знаменского собора, и тянутся от него на автобусную остановку богомолки в опрятных одеждах, с просветленными кроткими взорами. Говорят, некогда была тут и мечеть. И в пределах досягаемости действующая синагога... Но, если честно, маловато аргументов в пользу такого гипотетического решения. И вообще гребостно было бы, если перевероршить былое. Как-то, уже будучи взрослым человеком, заглянул в беспечно открытую дверь костела, который сдал отступивший гарнизон, и обнаружил сцену ужасного запустения. Облупленные стены, провалившийся пол, порванные мешки с цементом. Сверху свисают и болтаются с каким-то трагическим бергмановским подтекстом гимнастические кольца... И такое забыть? Сравнительно недавно некая организация за зеленым заплотом, имевшая отношение к электричеству, освободила наконец-то от своего странного присутствия церковь Михаила Архангела (и вряд ли безущербно для веры). А вот Спасская церковь отрезана от мира, задыхается за запорами архивной музейной пылью. Знающие люди утверждают, что экспонаты ветшают, их ценность сомнительна, однако упорство паче разума. Не хотите возвращать здание конфессии — верните светскому просвещению (подростком и юношей брал здесь книги в абонементе, засиживался в читальном зале).

В беспокойные девяностые радикальная татарская молодежь, наслушавшись стариков и подняв документы, потребовала восстановления на прежнем месте мечети. Конфликт удалось уладить. Был найден всех устраивающий вариант. А теперь здесь все застроено. Но историю не задобрить. Вероисповедная? Верх лицемерия.

Тогда — Спортивная? А что, основания найдутся.

Тридцатые годы. «Страна искателей», страна героев» поет: «Нам ли стоять на месте?» — и отправляется в путь. Всеобщее восхищение вызывает лыжный переход Тюмень—Москва. Его совершают жены комсостава из знакомой уже нам дивизии. В столице их принимает и одаривает часами сам первый маршал Клим Ворошилов. Пожалуй, не меньше, чем доблестные командирские супруги, наматал на тренировках и соревнованиях километров «прописанный» в нашем околотке прославленный гонщик. Нас, мальчишек, едва ставших на лыжи, он поражал самобытным разбросом палок на ходу, но больше — упорством, выносливостью, терпением партизана-разведчика. В одном из домов, в очень интеллигентной семье, вырос уркаган. На глазах изумленной публики он превращался в боксера с нокаутирующим ударом, а затем становится замечательным физруком в школе. Тут же в каменушке-развалюшке, где недавно ютилась КЭЧ (оказалось, всего-то квартирно-экспедиционная часть, воинская контора), временно осела штаб-квартира сельского спорта. Общество «Урожай» возглавил амбициозный и креативный (то есть гораздый на выдумки) северянин. Он далеко пойдет, взяв карьерный старт на улице Ленина. Масштабно мыслящий, он успешно командовал всем спортивным движением области, потом ушел в науку, где тоже состоялся. И к спортивной журналистике мы имеем непосредственное отношение.

Впечатляющая анкета? Безусловно. И тем не менее — как вам Университетская? Присутствие высшего образования, профессуры и студенчества все более осязаемо. Однако дадим время молодым цитаделям знаний встать вровень с Кембриджем, Итоном, Сорбонной худо-бедно. Взрастить хотя бы одного Нобелевского лауреата. А то они все как-то проездом в наших палестинах (в краеведческом музее, символически представляя улицу, я брал интервью у Александра Исаевича Солженицына; есть в моем старом блокноте и автограф Шолохова).

В архипелаге островов-кварталов мне особенно дорог тот, что начинается от пересечения с Красина. Даже не весь, а крайние дома на нечетной стороне. Два, бывшие до революции молельней татар-

ского населения, словно обидевшись на несправедливость судьбы, пребывали неряшливо окрашенными, неухоженными. Хотя люди в них жили достойные и порядочные. И дети их выросли порядочные и полезные: слесарь золотые руки, классный пилот, парторг крупного завода... выделилась неординарностью облика и биографии неистовая ученая фурия с постоянной папиросой во рту и хриплым голосом. Мужа у нее, комиссара дивизии, расстреляли, осталась с двумя дочерьми, хорошо не лишили работы в институте. Одна дочь стала радиожурналистом. Другая держалась в тени. Чем занималась, мне неизвестно. Знаю только, что внучка бабушки-страстотерпицы ныне светило филологии, преподает в тех же стенах.

Замыкая неким пограничьем воинскую слободу, заключительным аккордом ее мелодии во всей красе высится мой дом. Моя легенда номер семнадцать. Почти профессионально занимаясь фотографией, я, к своему стыду, не удосужился запечатлеть на пленке мой дом, а потом нигде не нашел его изображения. Но поверьте: он был лучшим, самым заметным деревянным строением на нашей улице, настоящим произведением искусства. Отличали его прежде всего огромные полукруглые окна, обрамленные орнаментами деревянной резьбы. С детства запомнил: называли окна венскими, и это звучало возвышенно-чарующе. С крыльца парадного (слово «подъезд» не употребляли) поднималась наверх широкая лестница с балясинами, от которой ответвлялись боковые входы первого этажа. Достигнув второго, она дарила ему балкончик с изящной металлической решеткой, чтобы вполне реальная жена конвойного начальника могла тут разводить пионы и пить закатными вечерами чай с земляничным вареньем... Путь во двор преграждали ворота. Тоже с деревянными, что и венские окна, кружевами. И с массивным латунным кольцом. Его холодок помнит моя рука, как и усилие, с которым поднималась щеколда. Ворота пали смертью храбрых раньше всех.

Но пока — идиллия, дом-праздник. За венскими окнами море света, самые просторные комнаты. Те, что вдоль коридоров, кубатурой поменьше. Встречаются и каморки. Но никакого социального расслоения, никаких фанаберий и стенаний. Время такое: все равны,

скромность украшает, бедность не порок. Тяготы быта воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а потому переносятся без трагизма. Все удобства во дворе. За зиму помои намерзают в огромную кучу, которую с наступлением тепла крушат ломами и увозят льдинами вони и грязи. Топим печь дровами. У каждой семьи свой сарай с поленицей березовых преимущественно чурок. Воду ношу с колонок. Поначалу на коромысле, а повзрослев, стесняясь и набрав силу, — просто на руках. В эту пору темно и холодно. И мрачно-обреченно стучат в тамбуре милицейские сапоги, которые, чертыхаясь, идут охранять тело нашего уличного однофамильца — оно покоится в соседнем сельхозтехникуме. Зато летом — совсем другая жизнь. Солнечный луч теплым котенком переваливается через порог, освещая застоявшиеся велики, соскучившиеся по большой стирке ребристые доски и глубокие цинковые ванны. Снимаются с гвоздей большие эмалированные тазы, с ними идут в красную баню. Когда женщины с детьми возвращаются — томно-размягшими, с повязанными полотенцами головами, их шествие напоминает издалека нечто восточное, африканское даже. Черная овчарка Альма добреет, весело и сухо тарабанит лапами по нагретому полу общего коридора. Чудесно зеленеет и пахнет свежестью двор. И стар и млад высыпают на воздух, и каждый ясен, различим...

С войны вернулись не все. Будь жив гарнизонный шофер, обедавший в спешке с двух вилок (недосуг было руки вымыть), — не дал бы сынку спиться. А кому-то повезло. Накормив победителей солдатской кашей, возвратившись с медалями и чемоданом заграничного шмотья, отец моего закадычного приятеля (между прочим, будущего профессора, доктора физико-математических наук) вновь нахлобучил колпак шеф-повара рабочей столовки. Ему некогда развлекаться, баклуши бить. А вот только что испеченный супруг умницы-поэтессы кудрявый и курносый фронтальной танкист, забыв про увечную ногу, пытается играть с нами в футбол (это потом он, став партийным функционером, забронзовеет). Вытянув протез, успокоя ноющую культю, банкует в лото мой батя: «Сорок четыре — стульчики. Одиннадцать — барабанные палочки»... Вечерами лавочка становится музыкальной

завалинкой. Классикой балует народ начинающий баянист, дочь администратора филармонии исполняет на аккордеоне эстрадные шлягеры. Бедовая, измотанная нуждой и оравой ребятишек торговка чем попало и ее кособокий трудяга муж берут балалайку и чисто так, высоко и слезно, выводят «Саратовские страдания». До свидания милый скажет, а на сердце камень ляжет... Боже, какая светлая печаль! Потом встречу ее в песнях Ковалевой, Руслановой, Бичевской... Столь магически, ввергая в оцепенение, с детства, с военных зим, уже на какой-то иной волне восприятия, звучат для меня песни «Вставай, страна огромная» и «Уходили в поход партизаны».

А отец, накричавшись на завалинке, берет дома гитару и хрипловато напевает мне романсы Козина, Петра Лещенко, Сокольского... «Время наше истекает, звуки музыки стихают»... «Наш уголок нам никогда не тесен»... Он еще читает хорошие умные книги, делая выписки, конспектируя. Выходит, от него у меня не только узнаваемые запястья. Мама лепит пельмени, варит борщ (он и первое, и второе блюдо), по праздникам печет пироги с клюквой и рыбой. Когда меня прижало, поварские гены здорово выручили. Как и поварские рецепты, написанные маминым карандашом. В начальной школе не было тетрадок, и учился писать перьевой ручкой поверх родных каракулей. Почерк у меня сейчас ответсекретарский, предельно четкий, однако когда спешу, буквы у меня начинают «родственно» кривляться.

Улица, дом, двор — это целый мир, микрокосмос в ближайшем рассмотрении. Здесь обретают плоть такие отвлеченные понятия, как Долг, Вечность, Стыд, Совесть, Любовь, Ненависть. Здесь тебя пестуют, снаряжают в жизнь, укладывая в походный рюкзак не только смену белья и пирожки, но и опыт, советы, умение отличать хорошее и плохое, противостоять злу и откликаться на добро. Все предельно конкретно. Благородство — это когда злая слепая старуха, доставшая тебя постоянными придирами, услышав за стеной стоны ребенка, вламывается без спросу, велит накрыть все красным, машет сучковатым посохом по углам, бормочет что-то несусветное, и наутро скарлатина отступает. Низость — это когда мило улыбающийся, мурлыкающий под нос мажорные мотивы раз-

жалованный начальник северного леспромхоза, едва поселившись, начал строчить на всех анонимки. Не обошел и меня: мол, молодой коммунист, работник советской печати, живет не по средствам (это я, изловчившись, купил жене простенькую кофточку взамен совсем обветшавшей студенческой). Помнится, осерчал я на него жестоко. А потом простил, узнав, что поседел он в одночасье молодым красногвардейцем, приговоренным белыми к расстрелу, под дулами ружей. В конце концов, размышлял я, и поклепами можно защищать идеалы. А тут еще увидел его дочерей — в черном шелку, яркие и красивые, как испанки...

Всему отмерян свой век. И домам тоже. После череды ремонтов на Ленина, 17 появилась вода, канализация, газ, батареи отопления заменили печи, требующие уйму дров и постоянного догляда. Но с удобствами исчезла особая аура, неповторимые красота и гармония. Глухие к прекрасному прорабы не в состоянии были совместить их с целесообразностью комфорта. Вслед за воротами пошла под лихие топоры лестница с балконом — ласточкиным гнездом, а затем не пощадили и чудесных окон. Вместо них на фасаде вырубили и застеклили прямоугольники скучной фабричной конфигурации.

А дальше — стремительное одряхление. Умирал мой дом мучительно, как тяжелобольной, у которого ампутируют один орган за другим. Кончину приблизили архаровцы, люди чужие, измельчавшие. По пьяни они устроили пожар, и одна внутренняя стена оголилась беспомощно и бесстыдно, ощерилась штукатуркой и проводами. Таким я застал родной очаг в последний раз.

А затем наступили новые времена. Пришли на погост бульдозеры и люди в касках и снесли все к чертовой матери, похерили эту сопливую «любовь к отечественным гробам», вознесли, касаясь неба, апартаменты, где солят деньги, и салоны, где торгуют компьютерами.

Все-таки дрогнуло что-то милосердное, и оставили они в живых каменный особнячок, соседствовавший с моим домом, вмонтировали его в новую кладку. Но фрагмент этот, осколок былого, несведущим незаметен. Все проезжают, проходят мимо. Лишь я один замедляю здесь шаг.